

ОТ АВТОРА

Я сел писать эту книгу, чтобы разобраться, кто, как и почему делает больно людям, которых любит. И почему именно слова — самое опасное оружие в этом деле.

Подозреваю, что более талантливый автор обошелся бы рассказом на пять страниц. А я делаю то, что могу, с тем, что у меня есть.

Как и герои этой истории.

Я иду на битву с драконом.

Я обязан его победить.

Мне не надо его престола.

Лишь бы голову с плеч отрубить.

ЭПИЗОД 1

ЛОГОЗ | СЛОВО

Смотрю в телефон. Усмехаюсь.

Когда мы покидали Кинешму, инспектор по делам несовершеннолетних Алексей Корчин, лейтенант МВД, написал мне:

— Имей в виду, мы будем за тобой приглядывать. Будь на связи. И лучше тебе залечь на дно.

Когда мы заезжали в этот город, приставленный ко мне госпсихолог из Кинешмы Александра Пална написала:

— Не волнуйся. Я буду за тобой приглядывать. И буду с тобой на связи.

Спустя месяц ни он, ни она не на связи. Вначале мне казалось, что это хорошая новость. Теперь мне так не кажется.

Чуть выше своего предостережения в мессенджере инспектор выслал мне поочередно с десятков аккаунтов ребят, которые в теории мне могли не нравиться и к которым, вполне возможно, у меня имелись недобрые мысли.

Рядом с ватсапом в смартфоне имеется госприложение, тоже мессенджер — для особых детей под присмотром психологов. В чате этого приложения мы иногда переписывались с Александрой Палной, когда было совсем худо и не по времени. И в том чате до обнадеживающего сообщения она отправила мне с десятков картинок с разными необычными оттенками. Она просила выстроить какие-то эмоциональные ассоциации с каждой.

Из десятка хулиганов инспектора я отметил только Бондаря как того, кто мне не очень нравился. И, возможно, потому произошло то, что произошло.

Из десятка картинок психолога я отметил серый цвет как тот, что мне не нравится, потому что не может определиться с тем, на какой он стороне — на светлой или темной.

Инспектор пугал, психолог поддерживала. В одном они сошлись: им было нужно, чтобы я шел на контакт. Ему, чтобы я начал говорить все как есть. Ей, чтобы я начал разговаривать, хотя бы как получается.

Но мне нечего сказать. Все мои усилия уходят на то, чтобы хотя бы думать структурированно. Чтобы думать как человек. Чтобы быть как человек. Чтобы жить среди...

Мама дотрагивается до моего бедра, и я снимаю наушники.

— Даня, передай мне воду, — говорит она и указывает мне на бутылку, лежащую в кармане моей двери. Передаю ей «Святой источник». Мы тормозим на перекрестке. Деревянный крестик, висящий на зеркале, подскакивает, и мама его поправляет.

— ...Дорогу к свету отыщет каждый ищущий. Ищущий этот свет! Кто-то из вас спросит, как понять, как же понять...

Мы замечаем с десятков кавказских мужиков, идущих по дороге. Они говорят на русском, но с разными акцентами. Смеются.

— Много их тут. Кавказцев, — говорит мама.

— Нефтевышки. Везде, — объясняю я, хотя она и так это знает.

— Как будто вернулась в молодость. В Пятигорск, — улыбается она. — Необычно.

Кончики ее плохо покрашенных ногтей стучат по рулю, наигрывая незнакомую мне мелодию.

— Доверьтесь сердцу, способному отделить правду... — с надрывом продолжает диктор.

Я собираюсь надеть наушник, но она внезапно останавливает меня вопросом:

— Что слушаешь?

— Песню.

Она отключает радио «Призыв души и сердца». Это хорошо. Но плохо, потому что мне придется говорить.

— Я понимаю, что это песня, — усмехается она осторожно, с едва уловимой тревогой. — А что за?..

— «К небесам».

— Классное название! А кто поет? — максимально естественно спрашивает она.

«Еще бы», — думаю я. Идеальное название под ее нынешнее состояние. Хорошо, что не «Райские яблоки» Басты.

— Я не... — собираюсь отмазаться, но сразу сдаюсь. Заглядываю в телефон. — Паша Прурок.

— Прурок?

— Да, наверное.

Предпринимаю еще одну попытку надеть наушники, но слышу еще один вопрос.

— А о чем она?

Не сразу отвечаю на ее вопрос, пытаюсь по взгляду понять, зачем она затеяла этот не нужный никому разговор. Это же просто музыка в моих наушниках. Что тут обсуждать? У всех в наушниках музыка.

Улицу переходит бомж, с усилием проталкивая вперед груженную барахлом тележку. Остановившись, он предъявляет что-то водителю, притормозившему на половине «зебры». Обменявшись оскорблениями, завершает конфликт, демонстрируя средний палец.

Мы трогаемся. Крестик подпрыгивает. Мама его поправляет, нежно, аккуратно, будто успокаивает.

— Прости... — продолжает она, нервно улыбаясь. — Просто ты все время в этих больших... — она показывает свободной рукой воображаемый наушник на своем

ухе, — и постоянно слушаешь что-то. Я не против, просто я хочу... Может, и мне понравится?

— Не понравится. Она без смысла. — Хочется добавить «точь-в-точь как и твоё радио». — Это русский рэп. Лирика.

На лице мамы разочарование. Не из-за моего вкуса, а из-за моих укусов. Из-за ответов. Ещё у неё грусть, боль... Мама — старый, никому не нужный, запыленный, но всё ещё рабочий телевизор из моего детства. А я — маленький, неприятно щиплющий током проводок, к которому часто приходится прикасаться, но изолировать нельзя. И всё это в целом моя попытка упорядочить то, что происходит в моей голове.

Забавно, что я научился это делать: придавать сложному простую, корявую, но понятную метафору ещё до того, как мне это предложила Александра Пална, и это очень облегчило мою жизнь. Мама — быстро иссыхающее дерево, а я птичка, которая всё ещё не приняла, что должна искать себе новый дом.

Мама плавно давит на газ.

— Я прочитала на одном сайте, что один из способов, — она рисует мост, дотрагиваясь до своей груди, а затем до моей, — ну, понять тебя, — послушать твой плейлист. Ты просто постоянно там, внутри, и это твой мир, я понимаю, просто... — продолжает она тараторить с дрожью в голосе, пока я не перебиваю её:

— Она про свободу, — говорю я, умолчав о том, что сейчас не самое лучшее время меня понимать, затевать ненужные притворные беседы, да и мосты тоже сейчас можно уже не строить. У нас обоих есть более важные проблемы. — И про время тоже там поется.

— Это такие, знаешь, понятия. Большие. Ты можешь объяснить? Помнишь, Александра Пална просила тебя больше идти на контакт. Больше рассказывать. Ты в них хорошо разбираешься. В колледже кому-то может показаться это тоже интересным, и ты расскажешь им. И у тебя будут новые друзья... главное не просто говорить, а создавать...

— Смысловую цепь, — говорю я. — Помню.

«Просто», — говорит она. А я создаю смысловую цепь своим молчанием. Тишина — тоже звук.

— Да. Давай попробуем? Ты просто объясни мне, о чем песня. Как репетиция перед... Без, знаешь, без напряжения. Как... как есть. Как будто ты перед ребятами.

Я прокручиваю в голове куплет:

Что ты видишь, ну же, скажи.

Это время куда-то бежит.

Стать большим ты уже не спешишь,

Но назад, увы, нету пути.

— Песня про время. Про то, что оно течет и в какой-то момент ты уже взрослый и жалеешь, что не можешь прокрутить время назад, — строю я ту самую смысловую цепь.

— В ней много смысла, — удивляется мама и даже кивает. Возможно, притворяясь. Скорее всего, притворяясь. Один из мотивирующих секретиков от Александры Палны: «Подбадривайте его, хвалите при любом удобном случае, берите за руку, смотрите в глаза» и прочая фигня.

— Ну, есть так... — отвечаю я как-то скомканно. Лучше ей не знать, что там есть еще про маму, про то, что автор извиняется перед ней за то, что влюблялся в кого попало. А еще она про боль и про смерть, и об этом маме тоже лучше не знать, потому что песня из позитивно возвышенной перейдет в статус жизнеНЕутверждающей. Все, что не про жизнь, сейчас — это красная линия. Она попросит не слушать такое и всякое другое, похожее на это, и вообще остальное тоже лучше не слушать, иначе мы откатимся назад. От желтых к черным капсулам. Из «пока все норм» или «все не очень хорошо» во «все плохо», а еще к терапевтам, к дерьмовым документальным фильмам о том, как много жизни в этой жизни,

которую надо жить, а не проживать.

Иначе прожует и выбросит.

Так молод и красив был.

Ах! Жаль-жаль-жаль...

— Приехали, — говорит мама и смотрит на здание колледжа. Беру с заднего сиденья рюкзак. Она спрашивает игриво:

— Какой сегодня день в колледже?

— Шестой, — отвечаю я.

— На шестой день Бог создал человека. Знаешь? — Она подмигивает, будто у нас с ней есть общий секрет, но у нас мало общего. Есть секреты. Но не общие: *самопосебешные*.

— Я все еще не понял, зачем ты это делаешь. Эти библейские отсылки. Завтра уже все, дни закончатся. Я проверил. Потом Бог отдыхал вроде.

— Почил. Да. Прости, я больше не буду считать. Просто это важное время. Заканчивается твоя первая неделя. Слава Богу, ты вроде хорошо справляешься. Я так боялась...

Я просто киваю. Киваю, потому что не знаю, что сказать. Потому что не знаю, что в такие моменты говорят нормальные люди. И говорят ли. По-моему, ритмичное, как будто понимающее, кивание — прекрасная реакция для таких случаев. Когда ругает препод, когда мама объясняет таинства мироздания, когда на похоронах рассказывают, каким хорошим человеком был ушедший.

— Мне надо ему что-то передать? — спрашиваю я, и она сразу понимает, о ком идет речь. Мама в целом меня хорошо понимает, но был один день, самый важный день, когда она не поняла. И случилось то, что случилось. Но если бы поняла, то не было бы ни мозгоправов, ни полиции. И вопросов, на которые я не смог правильно ответить про фотографии тех, кто мне не нравится, и про карточки с оттенками.

Александра Пална попросила не винить маму. Что все мы люди и иногда можем не замечать самого важного.

Мама рисует на лице улыбку, как у Моны Лизы. Поправляет крестик, другой крестик — золотой, висящий на цепочке на шее. Зачем-то продолжает носить эту штуку. Хотя винит его во всем. Надеюсь, что винит. Должна винить. Любой нормальный человек в такой ситуации винил бы

только его и подарки, даже если это последнее, что от него осталось, не носил бы.

— Ничего. Нет. Ничего не надо. Если спросит, скажи, что все хорошо, и все. Если не спросит — ничего. Просто привет, и все. Или нет. Если захочешь — передай.

— Я передам.

Я собираюсь надеть капюшон и открываю дверь.

— Прошу тебя, не надевай капюшон.

Помимо прочтения гребаной брошюрки о том, как надо с «такими, как я», мама просмотрела и кучу роликов на ютубе, но до сих пор не поняла принцип личного пространства. По крайней мере, если судить по брошюрке, предполагается, что у меня свой мир, с которым надо быть бережным и не лезть туда каждые пять минут с советами, как выжить во внешнем мире. Тем более когда сама...

— Дождь, — киваю на обстреливаемое каплями лобовое стекло.

— Прости. Да. Ты просто надеваешь его и закрываешься от мира. Так сказала Александра Пална. Но сейчас дождь, так что да — сейчас можно. Прости.

Я смотрю на стекло. Стекающая капля на трещине от камушка меняет направление, и, если приглядеться под правильным углом, молния бьет по башке стоящего у входа охранника дядю Кешу. Он, как обычно, ругает парней за опоздания и клеится к девочкам.

— Дорогой, а мне тебя забрать?

— Нет, я сам.

— Мне не трудно, я могу...

— Я сам, — перебиваю я. Иногда легче ее перебить. Мама легко перебивается. Ее всегда перебивают. И он перебивал. И толстуха на кассе. И дед из соседней квартиры. И в больнице медсестры. Начал и я.

Выхожу из машины.

— Даня, баночки? — спрашивает она из-за спины и улыбается так, как не улыбаются, когда честно хотят

улыбнуться. Как не улыбаются, когда говорят про гребанные капсулы.

— Взял, — показываю желтую баночку, ту, что «пока все норм», и трясую ею. Она всегда в правом нижнем кармане куртки.

— А розовенькие?

— Взял, — стучу по левому верхнему карману. — Все взял.

Я опять пытаюсь уйти.

Полные пыльные полки попыток.

Прыти не хватит грести.

— Кто-то ведь должен ношу нести! — объявляет проповедник на вновь включенном радио.

Мама сигналит мне на прощание, как мамы из американских фильмов о неудачниках. Я не в американском фильме, но, судя по общим признакам, неудачник. Она что-то говорит, но я не слышу, на мне наушники, в которых Паша Прурок завершает свою, как оказалось, не такую уж бессмысленную мысль:

Мамочка, ты забудь все обиды,
Что по глупости я натворил.
Молодой, потянуло магнитом
К тем, кто меня так не любил*.

Машина трогается, и мама поправляет крестик.

Я надеваю капюшон.

И не передам отцу привет.

Вхожу через ворота на территорию колледжа. В шестой раз. День сотворения человека, получается.

Напоминаю себе, что пришел, чтобы учиться. Пытаюсь привить это напоминание как привычку. Все ходят сюда учиться. Все учатся, потому что надо учиться. Учиться,

* Паша Proorok «К небесам».

чтобы быть рядом со всеми. Быть частью всех. Быть как все. Быть всем. Быть ничем среди всех и всехнего сплошного ничего. Александра Пална сказала, что полезно напоминать о целях, чтобы поддерживать свою мотивацию.

Я прохожу по небольшой студенческой площади. Судя по направлению каменной руки, Ленин скорее косплеит Гэндальфа, предлагая мне, глупцу, бежать в обратную сторону.

Слышу со стороны дороги сигнал и звук торможения. Черная затемненная «камри» останавливается у ворот, игнорируя вопли охранника Кеши. Задняя дверь открывается, оттуда вылезает кавказский парнишка, что-то говорит охраннику, и тот скорее в шутку пытается поймать хулигана. Обойдя меня, хулиган входит в здание. Я за ним.

Там, внутри, на втором этаже меня ждет дверь в аудиторию. Когда я войду, все будут смотреть на меня. Будут думать о том, что это тот новенький, ну который молчит, который тормоз.

Благо тут вновь работает решение от Александры Палны.

«Когда сложно, назови эту вещь и скажи, что ты собрался с ней делать».

Во время нашего последнего сеанса, прощаясь, она сказала:

— То, что происходит с тобой, в твоей голове, — это нагромождение всей информации. То, что у людей лежит на отдельных полках, у тебя лежит на одной огромной. И чтобы это все удержать, ты тратишь слишком много энергии. Тебе нужно оптимизировать пространство.

Короче, по ее словам, в моей голове бардак и вместо того, чтобы его разгрести, я выбираю временное решение: бегаю как сумасшедший со скотчем вокруг него и укрепляю там, где все вот-вот порвется. Проблем все больше, и скотча тоже нужно больше.

Вместо того чтобы действовать, я слишком много думаю.

Поэтому мы тренировали осознанность. То есть давали названия объектам интереса, будто фиксировали их в моем сознании каким-нибудь понятным образом.

Первый месяц я считал это чушью, но в какой-то момент оно сработало. Без понятия, что происходит в голове, когда я даю название вещи. Я и до этих слов знал, что дверь — это дверь и что она нужна только для того, чтобы ее открывать и закрывать. Но когда произношу это, все вдруг обретает смысл. Туман рассеивается. Грохот затихает. Земля возвращается под ноги. И дверь действительно становится дверью, которую я должен открыть. Только объект и действие над ним.

Я собираюсь своими ногами подойти ко входу. Собираюсь взять ручку и писать, собираюсь взять телефон и позвонить. Собираюсь собрать себя и жить эту жизнь.

Пална попросила, чтобы я произносил это каждое утро, но в масштабах жизни эта обманка пока не работает. И жить эту жизнь... сложно.

Уже пару минут стою у первой ступеньки на второй этаж и, как debil, пытаюсь объяснить ногам, что надо идти. Гребаные лестницы. На всякий случай берусь за перила и начинаю восхождение. Шаг за шагом. Надо войти в кабинет до звонка, иначе опоздаю и все будут смотреть, как я черепашу за дальнюю парту.

Мне такого не надо.

Не хочу быть в центре парада.

Как бы построить ограду.

Ловлю девушку взглядом.

Ее зовут Карина. Моя одноклассница. Она высокая, в отличие от меня. И красивая. Слишком. Для меня, для колледжа и для этого города. Она не подходит этому месту. Ей бы в Париж или хотя бы Питер. С этим чувством стиля в одежде, с бесконечным желанием жить. Еще она умнее меня и, видимо, всех в нашей группе. У нее красивая улыбка, которой она встречает всех знакомых. Меня

тоже она встретила в первый день, но улыбка была другой, не похожей на остальные. Не из американских фильмов. Улыбка была какой-то понимающей. Будто «не парься, я знаю, что с тобой происходит. Я такая же». Но она не такая, по крайней мере на людях она идеальная студентка, идеальный друг, наверное, идеальная дочь. В тот день она устроила мне краткую экскурсию по колледжу. Я молчал, она улыбалась и говорила. Больше мы не разговаривали. Теперь она просто улыбается мне, как будто у нас есть какой-то секрет. И хоть секрета, как и с мамой, у нас с ней нет, но, когда я смотрю в ее глаза, кажется, что есть. Хочется, чтоб был.

Карина долго смотрит в фойе на стенд «Герои специальной военной операции». Подносит два пальца к губам, а затем касается ими одной из фотографий на стенде.

— Ну, че, брат, все, приехал? — внезапно спрашивает тот самый кавказец.

Я испуганно оборачиваюсь.

— Что?

— Говорю, все уже — и ты наступил в эту яму.

— Что я?

— Говорю, втюрился в Карину. Проверь сердце, бьется быстрее обычного?

— Я? Нет, я просто...

Он смеется, хлопнув меня по груди:

— Не парься. Не первый, не последний. — Он замирает, вглядывается в мое лицо внимательно, я отступаю. — А, ты же этот новенький, который, ну... Смотрю на тебя и думаю — знакомое лицо. Твою фотку кинули в групповой чат. Имя есть?

— Что пристал? — хочу спросить я, но спрашивает Карина, подходя к лестнице, а потом, посмотрев на меня, добавляет: — Извини. Надо забанить этого козла Валеру. Как заметила, я сразу удалила. — А потом хмурит брови на моего нового знакомого. — Оставь Данилу.

— Я разрушаю границы между нами! — Он ставит руку мне на плечо. — Данила? Даниил? Дэниел!

— Разрушь границы между собой и учебой, — она кивает на дверь. — Тебе еще объяснять Елене Дмитриевне, почему тебя не было неделю.

— Я же отпросился! Ты должна была меня отмазать! Ты же обещала, что прикроешь! Тоже мне староста...

— На два дня, а не семь. Ты меня подставил.

Забыв обо мне окончательно, они входят. На секунду я замечаю тизер того, что меня ожидает: полная аудитория студентов. Берусь за дверную ручку и говорю:

— Я иду на битву с драконом. Я обязан его победить. Мне не надо его престола. Лишь бы голову с плеч отрубить.

И затем — вдох-выдох. Это дверь, и я ее должен открыть.

Уворачиваясь от десятков взглядов, я пробираюсь в самый конец, где сидит новый знакомый. Поздно идти в другой ряд, поэтому сажусь за ним. Получаются две полупустые парты. Или полуполные.

— Ребята, тридцать седьмая страница. Параграф один-два-два, «Характерные черты экономики развитых стран», — объявляет учитель, подняв над головой оранжевый учебник. Имя учителя я не запомнил, а учебник мне еще не выдали. — Выпишите полностью весь абзац на странице, до фотографии. Итак, Артемьев.

— Тут, — вскакивает из-за стола один. Не ботан, но все время умничают, точнее, играет бровями, будто размышляет на умные темы.

— Афонина?

— Тут. — Она много разговаривает и почти всегда не по теме. Мне кажется, она не понимает, куда и как течет разговор. Если представить общающихся людей машинами, едущими по шоссе, то она, как пьяный водитель, постоянно то вылетает на встречу, то съезжает на тропинку, чтобы затем вылететь из кустов обратно на дорогу.

— Падай, — говорит кавказец, повернувшись ко мне.

— А?

— Учебник есть?

— Банина.

— Здесь. — Молчаливая. Сверхсерьезная. У нее, кажется, есть на эту жизнь план, в который наш колледж и уж тем более город не входят.

— Нет, — отвечаю я на вопрос про учебник.

— Тогда падай, — повторяет он и показывает на свободное место рядом.

Я думаю. Взвешиваю. Не знаю что.

— Ну смотри сам, — говорит он и отворачивается.

— Гольцова?

— Она отпросилась у завуча.

— Ей же хуже. Значит, не узнает ничего про экономику развитых стран. Деревянко?

— Здесь. — Кажется, напичкан препаратами для концентрации внимания. Все время в каких-то нервных тиках. То моргнет судорожно, то дернет носом вбок. А дрожащая нога, кажется, может послужить источником вечной энергии.

Я делаю глубокий вдох и сажусь рядом. Сосед, ухмыльнувшись, ставит учебник посередине, и мы начинаем переписывать абзац до фотки белых мужиков с закрученными усами и в цилиндрах. Бизнесмены довольно позируют в рукопожатии, будто они запускают экономику целой страны, и все это на фоне ничего не понимающих, полураздетых туземцев.

В какой-то момент на фамилии Маркулов сосед по парте встает и садится обратно.

— Я Джамал, — тихо говорит он и протягивает руку под партой.

— Данила, — отвечаю я.

— Рябцева тут, — говорит учитель, посмотрев на Карину, и ставит отметку в журнале.

— В натуре у тебя почерк, — удивляется Джамал, увидев мои записи. — Как у девочек. Я бы такой хотел. На эту

суету смотри. — Он показывает мне свою тетрадь, содержание которой больше напоминает поле битвы. А буквы, будто гармошка, тянутся то в одну сторону, то в другую. — Так-то я могу нормально, но мне для дебатов надо быстро накручивать скорость письма, так что я уже привык.

— Са-ави-ин, — тянет преподаватель, и по его тону я понимаю, что это уже повторный призыв.

— Он там. — Карина привстает и показывает на меня.

— Опять завис, — говорит парень с выбеленными волосами, зафиксированными гелем. И все начинают смеяться. Я, конечно, не эксперт в области юмора, но, кажется, дерьмо собачье, а не шутка. Но, возможно, они смеются, потому что знают что-то, чего не знаю я.

Я вскакиваю и сажусь обратно. Историк поднимает бровь и идет дальше по списку.

— Это Валера, — кивает Джамал на крашеного, но я уже знаю его имя. Мама бы назвала его хулиганом, а я — мудаком. И в той и в другой роли он рулит тремя такими же придурками. — Ты есть в группе в «телеге»?

— Нет.

— Понятно... — Поковырявшись в телефоне, он показывает мое фото. Там я стою у первой ступеньки и смотрю, как debil, в пол, как будто забыл, что собирался делать. Снизу надпись: «ЗавиССавин» и анимация загрузки на башке. Прямо в этот момент парни забрасывают чат моей фоткой, которая теперь не фотка, а стикер, и не абы какой, а анимированный. Прекрасно. Стикеры делаются только про популярных чуваков. Все как хочет мама. — Вчера ночью закинули. Карина удалила и на неделю заткнула Вальтера. Его ник. Ну, Валера.

— Получается, Вальтеру вставили пистон, — бубню я.

— Хорош, — усмехается Джамал. — Шутка за триста.

— Маркулов, не знал, что отношение к немецкому капитализму может быть настолько смешным. Прекратите оказывать дурное влияние на нашего новенького.

Через минуту под смех задних парт к нам перемещается тетрадный лист. Воровато посмотрев на преподавателя, я забираю письмо и передаю соседу.

— А это шутка за сто пятьдесят... — хмурится он и показывает мне: «Прекратить ЧЕРНОЕ влияние!» На обратной стороне пишет: «ПНХ» — и показывает средний палец отправителю — Валере.

До конца пары мы слушаем о том, какие на Западе люди умные, что умудрились так быстро поднять европейскую экономику на ноги после войны. Затем английский и ОБЖ. И были очень долгие и быстрые три часа, потому что все это время я смотрел на часы, готовясь к обществознанию, прогуливать которое в третий раз кряду у меня не получится.

— Блин, — бурчу я, глядя на дверь аудитории. — Как там было... Это дверь, и я должен ее закрыть. Нет. Открыть. Это дверь...

— Братан, ты начинаешь оправдывать локальный мем. Что завис? — спрашивает, нагоняя, Джамал.

— Живот прихватило, — вру я, умудряясь при этом сказать правду, ведь живот действительно прихватило от волнения.

— В конец коридора и налево, мужской. Или прямо болит?

Он идет к кабинету, затем останавливается и еле слышно выругивается, возвращается.

— По ходу, ты немного нервный. Новичок, туда-сюда. Накручиваешь.

У него странная манера говорить, вроде без акцента, но подбирает слова так, будто обязывает постоянно вычленять суть. Если меня психолог учила использовать слова для построения смысловой цепи, то его будто попросила использовать в три раза меньше слов и только те, что помогают объясниться.

Суть того, что он говорит сейчас, — я не в своей тарелке, и это передается моему кишечнику. Киваю.

— Я сразу понял! — ликует он, будто тут есть повод для радости. — Идем. Вместе — типа мы сдружились. Мы же... друзья? — Он подмигивает, но, не увидев моей реакции, закатывает глаза. — Да ладно тебе! Давай потопали. Чисто братская поддержка. Уверенно залетим и упадем где-нибудь.

— Нет, там другая причина. Короче, я сам. Спасибо, — говорю я, и он наконец отстает.

Вытаскиваю телефон и минуту стою, типа переписываюсь с кем-то, на самом деле размышляя, не свалить бы уже домой. С учетом прошедшего с нашей последней встречи времени не думаю, что потерянные пара дней для всех нас хоть что-то значит.

*И раз ничего не значат,
То не нужно и расплачиваться.
В расчерченном семейном плане
Его места захвачены.
Терпением мамы проплачены.*

— Замечательно, — говорит Карина подругам. — Только не забудьте насчет музыки. Как будем включать, через флешку?

— Прямо с телефона. Что-нибудь патриотическое на открытии и в конце то же самое, наверное. Возможно, будет ректор.

— А ему нравится гимн, — подхватывает третья. — Я точно знаю.

— Откуда?

— Он у него на звонке, — усмехается она.

— Ладно, потом разберемся, — подытоживает Карина, встретившись со мной взглядом.

— Маруся? — спрашивает девушка.

— А? — будто опомнившись, роняет она. — Да. Марусю норм.

Она мне покровительственно улыбается. Звенит звонок. Отправив девушек с журналом вперед, она подходит ко мне.

— Джамик написал, что ты чуток перенервничал.

— Нет, я просто по телефону... — Я показываю гаджет.

— Можно честно? — вдруг спрашивает она, сделав шаг ближе. — Я знаю, что Дмитрий Наумович твой отец. И то, что ты слился уже с двух занятий. Это ничего. Я же староста, прикрою. Про ваше родство никто не узнает, если ты сам никому не расскажешь. Он так сказал. У вас даже фамилии разные. Так что секрет в силе.

— Блин... — вздыхаю я. Вытираю ладони о джинсы.

— Ты все делаешь правильно, только надо со счетом. — Она вдруг берет меня за ладони. — Есть разные способы дышать. Давай как вариант — «четыре-семь-восемь». Четыре секунды, вдох носом, семь — задержка и медленный выдох за восемь секунд.

Я оглядываюсь. В фойе уже совсем пусто.

— Не парься. Смотри на меня. — Я подчиняюсь. — Про опоздание он ничего не скажет. Наумович классный. Закрой глаза. Итак, дышим. Носом. — Делаю вдох. — Раз. Два. Три. Четыре. Держишь. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Выдох. Не спеша, — поднимает она бровь. — Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Еще раз.

Мы проводим три таких круга, я чувствую тепло ее ладоней, слышу ее голос и, когда открываю глаза, вижу улыбку: беспрецедентно большие глаза и алые щеки с глубокими ямочками. Она будто была создана для того, чтобы я влюбился в нее с первого взгляда. Само собой, я так и сделал и теперь, когда я смотрю в ее глаза с такой близости, понимаю, что у меня просто не было выбора. В нее невозможно не влюбиться.

— У тебя ладошки мокрые, — усмехается она, и, услышав это, я отдергиваю руки и снова вытираю.

— Извини. Я...

— Как ты сейчас?

— Лучше, — киваю я, даже не подумав. Конечно, лучше. Девушка держала меня за руки целую минуту.

— Отлично. Вы давно не виделись. Знаю. Идем. Он будет тебе рад.

Мысли мои бегут невпопад.

Трусливый хаотичный взгляд.

Это не страх. Сильнее во сто крат.

Как будто вдребезги,

взаперти,

в темноту забрести

и взяться за искрящие провода.

Она опять берет меня за руку и ведет ко входу, мягко отпустив, входит, и я, спрятавшись за ее стройной фигурой, тоже вхожу. Иду в самый конец, там же нахожу свободный стол. Карина садится прямо перед учителем, который смотрит исподлобья на меня. К счастью, мы совсем не похожи, и никто даже предположить не сможет, что между нами есть родство. Но, к сожалению, мы совсем не похожи, потому что я простой светловолосый невысокий, битый и чудом выживший птенец, видимо, в маму, в то время как Дмитрий Наумович высокий, широкоплечий и стройный к своим сорока пяти годам, с модной растительностью на лице — черные усы плавно перетекают в бороду с небольшим оттенком серебра.

— В этот раз «Олимпийский» полон, — улыбается он одновременно голливудской и теплой родительской улыбкой аудитории, и та откликается предсказуемым смехом, как дрессированная. Меня этим не удивить: я видел несколько его выступлений на ютубе — десятки тысяч просмотров и восторженные аудитории. На сцене он идеальный. А в жизни, думаю, говно.

— Карина, проведешь переключку?

— Да. — Обладательница нежных рук встает и зачитывает наши фамилии, и, пока она это делает, я размышляю о том, догадался бы кто-нибудь о нашем с Наумовичем родстве, будь у нас одна фамилия? А ему самому это общее еще о чем-то говорит?

Пусть собирает по крошкам.

Все то, что нас роднит.

— Савин!

Встать.

Сказать:

— Здесь.

И сесть.

Впервые за много лет встретившись с ним глазами, отворачиваюсь. Думаю, каждый из нас увидел не сына или отца, а маму. Если он не видел ее лица, то это лишь подтверждает, что он мразь.

Одна ручка с хрустом превращается в две полуручки. Две половинки, которые уже никак не станут одной, какой бы клей я ни пробовал. Проверено множество раз экспериментальным путем в течение девяти лет жизни в семье с одним родителем.

Должен был стать убийцей драконов, а стал убийцей ручек. Учителю должно быть обидно. Если он помнит мое детство и наши игры. А если не помнит... что ж, это лишь подтверждает в третий раз — как человек он...

Ковыряюсь в рюкзаке, но не нахожу ни ручку, ни карандаш. Можно попросить у девчонок спереди, но для этого придется с ними говорить. Это проблема.

Вынимаю стержень, пытаюсь записать тему: «Общество как социальная система. Социальный статус личности».

Слышу и, к сожалению, вижу, как ржет сидящий недалеко от меня Валерий Крашенный Тарасов вместе с друзьями. Его улыбка стирается, когда учитель оказывается рядом со мной.

— ...Таким образом, общество — это объединение людей для удовлетворения социальных потребностей и осуществления... — учитель кладет ручку на свободную сторону моего стола и толкает пальцем ко мне, — социального контроля за членами данного общества. — Возвращается к доске, закрывает учебник, оставляя между страницами указательный

палец. — Давайте поговорим про потребности человека. Их можно разделить на два типа. Очевидно, социальные и еще более очевидно... какие? — Он осматривает аудиторию. — Ничего? — улыбается он, поправив синий галстук. Не могу вспомнить, видел ли я его когда-нибудь другим: не стриженным, без выглаженных черного пиджака и брюк, без синего галстука поверх сверкающей белой рубашки без намека на морщинку. Будто бизнесмен из журнала, предлагающий вложить все сбережения в его дело. И что же он тут делает, этот чувак из рекламы, преподает обществознание в говенном колледже говенного придатка, недо-Севера, недо-Урала? Видимо, только я знаю, почему он оказался тут.

В американских фильмах такое называют «залег на дно». С одной стороны, Дмитрий Наумович очень постарался. Столько лет успешно лежит на дне. Не высовывается. С другой, ему повезло, что он живет в России. Здесь залечь на дно нетрудно. Наверное. Всем просто плевать, что ты сделал в прошлой жизни. С одной стороны, мне хочется его прилюдно осудить, вывести на чистую воду, с другой — то же самое можно сказать обо мне, ведь и я тоже залег на дно, как и советовал инспектор по делам несовершеннолетних.

Смешно. Мама в особенно тяжелые дни говорила: «Не будь похож на отца». И вот мы с ним в одной аудитории, пытаемся сделать вид, что не было никаких черных страниц в наших биографиях. Яблоко от яблони.

Учитель качает головой.

— Негусто. Давайте подумаем: какие у нас есть потребности? Рябцева?

— Ну есть, пить...

— Да, физиологические потребности.

— Трахаться, — шутит еле слышно кое-кто из окружения Крашеного. Услышав это, задние ряды начинают смеяться, передавая шутку вперед.

— Тихо-тихо, — говорит учитель, вдруг тоже улыбнувшись. — Круглик, у тебя появилась еще одна

версия? — Круглик скользит взглядом по друзьям, но те как будто его не замечают. Облажался — разгребай сам. — Вставай, Костя. Итак, твоя версия?

— Да я просто... ну это... ну как сказать? — Круглик помидорится на глазах. Ему бы пригодился совет Александры Палны, если сложно — назови эту вещь и что ты собрался с ней делать.

— Дай нам свой вариант, только посыпанный магической цензурной пылью.

— Размножение, идиот, — цедит Валера.

— Р-р-размножение? — скорее спрашивает, чем отвечает Круглик.

— Прекрасный ответ, Валера. — Крашенный ликует. — Круглик, садись. Итак, физиологические потребности можно утолить в самой малой группе. И даже сам один человек на это способен. При должном желании человек может выжить на острове в одиночестве.

— А че делать еще на острове? Только дробить остается... — шепчет Валера, и парни хихикают в ответ.

— Да заткнись уже, — бросает за спину Банина.

— А теперь про второй вид потребностей. Социальные. Их, Валера, удовлетворить самому не получится. Как бы ты ни пытался. Для этого нужен коллектив, и желательно побольше. Но ты и в этом мастак, как я вижу. — Валера, подмигивая парням, корчит важную рожу. — Итак, какую социальную потребность закрываешь ты, будучи умным и талантливym парнем с легкими девиантными наклонностями?

— Деви... чего? — спрашивает он.

— Хулиганскими, — отвечает учитель. — Какую потребность закрываю я, преподавая?

— Зарабатываете? — робко спрашивает одноклассница со второго ряда.

— К сожалению, не так много, как хотелось бы, — усмеивается он. — Нет. И я, и Валерий, и Карина...

— Потребность в общении?

— Нет. Не совсем. Три... два...

— Самореализация, — вдруг произносит мой рот.

Вгоняя меня в пот.

Показывая всем,

Что я тот еще задрот.

Вот бы еще рифму,

Какой я идиот.

— Правильно, Даник! — учитель показывает на меня пальцем и, быстро стерев удивление с лица, продолжает: — Данила... Савин. Да. Итак. Зачем нам самореализация? В чем ее смысл? Что невозможно без нее?

— Развитие человечества?

— Слишком масштабно, Рифатова.

— Или мы все сойдем с ума? — спрашивает Джамал.

— В каком смысле, Джамик?

— Ну, мы же будем типа все одинаковые. Все как один... — размышляет он, в то время как учитель жестами подталкивает его развить мысль. — Если никто не пытается стать кем-то... самореализоваться, то все как серая масса. А должны быть разными.

— Разными?.. — подается вперед учитель.

— Личностями?

— Бинго, Джамик! — Учитель стреляет в него из воображаемого пистолета. — Да. Мы должны быть разными. Стремление к самореализации развивает индивидуальность. Развивает личность каждого из нас. Проще говоря, именно путь каждого из нас позволяет нам отличаться друг от друга. Но тут у нас появилось новое слово. Маленькое, но очень важное. Какое?

— Путь, — отвечает первой Карина.

— Вот именно. Нельзя быть одинаковыми. Нельзя быть коллективным безмозглым стадом. Каждый из нас личность, а это предполагает, что у нас был, есть или будет свой путь. Так что, дорогие мои, ищите свой путь. — Он смотрит на меня, будто пытаюсь мне намекнуть на что-то,

видимо позабыв, что мой путь — это быть с мамой, пока она не умрет. И это пока он тут рассказывает про самореализацию. И этот путь я не выбирал. Своего у меня нет. Благодаря этому человеку.

— В итоге у нас имеются яркие примеры: талантливый хулиган, — он указывает на Валеру. — Учитель, — указывает на себя. — Организатор, — указывает на Карину. — Потенциальный отличник, — указывает через всю аудиторию на меня. Ну хоть не потенциальный сын. — И мой друг Джамик... — он указывает на Джамала.

— Шаурмичник! — бросает кто-то из хулиганского отряда. Никто над шуткой вслух не смеется, включая самих хулиганов.

— Ну, Степаненко, ты, конечно, выдал... — качает головой Дмитрий Наумович. — Вставай, друг.

— Блядь... — бурчит себе под нос.

— Ты же в курсе, что каждый третий житель нашего города приехал с юга? Статистика за двадцать первый год, между прочим. Я изучал. Посмотри в окно.

— А?

— Подойди. Посмотри в окно.

Тот подходит и нерешительно выглядывает на улицу.

— Видишь там вдалеке нефтевышки?

— Ага.

— Куда ни посмотри, ты везде их увидишь. Просто на всякий случай Русцентрнефть окружает наш славный городок, который существует в основном благодаря приехавшим сюда работникам. Азербайджанцам, дагестанцам, чеченцам, узбекам и всем остальным.

— Его папа тоже там работает... — злобно бросает одноклассник.

— Да, Галя, — усмехается учитель. — Я-то в курсе, потому что мы пару раз общались с папой Василия, мы оба болеем за «Челси», но я просто обязан позвонить ему, иначе его сын неудачно пошутит где-нибудь в подворотне. Там, где будут менее миролюбивые парни, чем Джамик.

Джамал без какой-либо обиды на лице поднимает большой палец вверх.

— Не звоните, пожалуйста, Дмитрий Наумович. Я тупанул.

— Джамал, прощаешь?

— Да он же и так там работает! — возмущается Крашеный. — Вася не соврал же, получается!

— Валера, — строго поднимает бровь учитель. — На дебатах надо так ярко отстаивать позицию.

— Да пофиг, — отмахивается Джамал. — Мне-то че.

— Молодец. А вот я не прощаю. За сделанное и сказанное надо нести ответственность. Я же говорил, мой путь — учитель. Садись, Вася. Джамик, обещай: никаких разборок. Да?

— Никаких разборок. Тока перекреститься не просите.

— Шутка за пятьсот, — усмехается учитель. — Итак, социальный контроль — это целенаправленное воздействие на личность со стороны общества с целью достижения общепринятого порядка...

Ближе к концу пары я готовлюсь реализовать свой план: замаскировавшись под нормального человека, скрыться в толпе от учителя и выскользнуть из аудитории, но, видимо прочитав намерение в моих глазах цвета его глаз, а это единственное наше сходство, он преграждает мне путь. Звонит звонок.

— Сидим, сидим. Ребята, понимаю, последняя пара, вы все устали, но имейте в виду, завтра утром в актовом зале будет проходить «Светлая сторона». Мы подготовили классные темы для дебатов. Приходите поддержать нашу команду. Свободны!

Человеческая гусеница собирается у выхода. Учитель прощается с каждым, но поглядывает на меня. Ни разу не позвонив ему с переезда и не предложив встречу, мне казалось, я ясно дал понять, что нам не о чем говорить.

Пусть каждый остается на своем пути.

Он учитель, я ученик.